

Я. А. Мержва

«Идеальный монарх» в сеймовых речах Анджея Максимилиана Фредро

Среди политических писателей Речи Посполитой особняком стоит имя Анджея Максимилиана Фредро (ок. 1620 — 1679). Ни один польский публицист не получил в историографии настолько противоречивых оценок. Доблестный гражданин — для современников, незаменимый советчик — для деятелей эпохи Просвещения, тонкий знаток человеческой природы — для романтиков, символ польского обскурантизма и отсталости — для позитивистов, парадоксальный публицист, сочетающий в своем творчестве, казалось бы, несовместимое, а также видный представитель политической, экономической, военной, исторической, педагогической мысли — для историков второй половины XX в.

Анджей Максимилиан Фредро¹ родился предположительно в 1620 г., окончил Краковскую академию, в 1646 г. впервые был выбран послом, а во время первого сейма 1652 г. — его маршалом. Именно на этом сейме прозвучало первое *liberum veto* Владислава Сицинского, которое молодой маршал признал правомочным, завершив сейм. Этот факт, а также защита Анджеем Максимилианом *liberum veto* вкупе с выборностью королей в позднейших политических сочинениях вызывали непонимание, осуждение и насмешки историков-позитивистов. Вместе с тем, в 1652 г. выходит его «История поляков в правление Генриха Валуа» — труд, который выдающийся специалист по польской историографии Анджей Грабский назвал одной из двух польских исторических монографий, написанных в XVII в.² Однако самым известным произведением Фредро стали «Поговорки разговорного языка» (1658), принесшие ему славу меткого и наблюдательного афориста. По количеству изданий с ними могли

соревноваться только «Политико-моральные наставления» (1664) — сборник советов по управлению государством, переведенный также на немецкий и французский языки. Ставший в 1654 г. львовским каштеляном, а значит, и сенатором, Фредро в 1660 г. резко воспротивился планам Яна Казимира по укреплению королевской власти, защищая политическое устройство Речи Посполитой в труде «Фрагменты писем и замечания о мире и войне» (1660). Одновременно Фредро был сторонником преобразований в экономике в духе меркантилизма, что нашло выражение в его работе «О военных делах, или Советы, пригодные в военное и мирное время» (1668). Военным вопросам Анджей Максимилиан посвятил также свои «Необходимые размышления о военном порядке и посполитом рушении», опубликованные в 1670 г. Франтишком Глинкой в томе «Сад единорогов» вместе с речами и письмами львовского каштеляна. В 1670-х гг. Фредро отошел от активной политической и публицистической деятельности, трудясь над учебником риторики «Советник», который увидел свет лишь полвека спустя после смерти автора. Умер Анджей Максимилиан в Пшемысле в 1679 г. в должности воеводы подольского, пожалованной ему в 1676 г.

Исследователи на протяжении веков обращались к разным аспектам творчества Фредро. В тени оставались, однако, его сеймовые речи 1648 и 1652 гг., дошедшие до нас в составе «Сада единорогов»³, а в 1745 г. перепечатанные Яном Островским-Данейковичем⁴. Отдельные высказывания Фредро на сеймах сохранились в диариуше элекционного сейма 1648 г.⁵, а также в записках люблинского войскового Якуба Михаловского (1612–1662)⁶. Однако речи эти на данный момент не дождалось самостоятельного комплексного исследования, удостоиваясь лишь упоминания или краткой характеристики. Так, Кароль Мехежиньский отмечает, что «В сеймовых речах, дышащих большим спокойствием, отличался [Фредро] ясной и редкой у современных ему ораторов умеренностью»⁷. Тексты некоторых речей приводит в своем цикле статей о Фредро Владислав Сквида, оставляя их, однако, практически без комментария⁸. Кратко резюмирует речи Владислав Чаплиньский в своей классической монографии «Два сейма в 1652 году»⁹, в свою очередь Бронислав Надольский характеризует их как «обычно краткие, чрезмерные в выражении чувств (например после смерти Владислава IV), часто обращающиеся к примерам из истории, заключающие в себе много философских максим, испещренные латынью»¹⁰. Интерес к речам несколько возрос в последние годы: в 2005 г. одну из них — приветствие короля маршалом, опубликовали с комментарием Ежи Старнавский и Роберт Завадский¹¹, а в 2014–2015 гг. вышли две статьи Кристины Плахчиньской, анализирующие ответы Фредро послам коронного и литовского войск, а также казаков¹².

В сеймовых речах Фредро значительное внимание уделяет королевской власти, что неудивительно: первая же из них полна скорби по недавно умершему Владиславу IV, вторая — самая объемная — является приветствием Яна Казимира от лица посольской избы, третья касается важнейшей функции монарха — распределения должностей. Роль короля в государстве, его функции,

качества, способ избрания — всё это вопросы, к которым Фредро постоянно возвращается в своих трудах. Каковы же были его представления о монархе на заре политической карьеры, во время произнесения сеймовых речей?

Принимая во внимание тот факт, что речи писались и оглашались в конкретных исторических обстоятельствах, естественным кажется вопрос: насколько те условия, в которых находилась Речь Посполитая в момент их произнесения, определяли то внимание, с которым Фредро относился к тем или иным функциям и качествам короля? К тому же, в контексте специфики публичного выступления правомерен вопрос, насколько на речи Фредро влияла ораторская традиция? Наконец, служат ли упоминаемые Фредро свершения Владислава IV и Яна Казимира примером их заслуг перед Речью Посполитой, восхвалением их личных качеств, призывом к конкретным действиям или являются иллюстрацией обязательных и универсальных функций монарха?

Первым обращением Фредро к фигуре монарха является его самая ранняя известная нам речь от 16 июля 1648 г. на конвокационном сейме, собравшемся после смерти Владислава IV¹³. Большую часть речи занимает панегирик умершему королю. Цитаты из него Кароль Шайноха приводил как яркий пример повсеместной скорби после смерти Владислава IV¹⁴, который предстает в данной речи идеальным монархом¹⁵: «Отчизна наша всегда будет должна благодарить и чтить память такого великого правителя, тем более что то, что доселе редко или вовсе не видано в веках, <...> то наш век, наша единственная Отчизна видела, нашла, лелеяла и (жаль вспомнить) потеряла в ушедшем великом Владиславе», а его правление — «сладкий сон глубокого покоя». Таким образом, данная речь обретает признаки портрета идеального короля.

Несмотря на «покой», главные заслуги умершего, упоминаемые Фредро, — военные, причем несравнимые с заслугами полководцев прошлого: «Пусть отступят те, которых называли некогда чудом войны. <...> Когда не в горном ущелье, как где-то в Каудиуме¹⁶, не войско, но целый народ с малой горстью людей в своей же осадил земле, обезоружил и видел брошенные с позором к его ногам знаки побежденного народа. <...> Потоп воинов под Хотин¹⁷ в полном вооружении, <...> гроза мира Турок, недавно побежденных христианских народов нес с собой трофеи к устрашению нашему, но привел [Владислав] к триумфу». Об иных достоинствах умершего монарха Фредро говорит вскользь: «Не достаточно ли того, о чем я упомянул, не говоря уже о военных, мирных и гражданских заслугах?»

Как же сообразуется упомянутый «покой» с эти гимном военной доблести? Означает ли это, что гражданские заслуги Фредро ценит меньше, чем военные? На первый взгляд, принимая во внимание огромную долю трудов на военную тематику в литературном наследии львовского каштеляна, трудно не согласиться с этим тезисом. С другой стороны, помня о том, какой вес Фредро придавал гражданским добродетелям в своих позднейших трудах, думается, что столь яркое выделение военных заслуг Владислава IV всё же было связано

с текущей ситуацией, в которой находилась Речь Посполитая — распространение восстания Хмельницкого, а также с определенной данью традиции. Также не без внимания остается тот факт, что соблюдение прав и обычаев Речи Посполитой Владиславом IV еще были свежи в памяти у всех слушателей выступления Фредро в 1648 г., в то время как молодой посол стремился напомнить о военных заслугах почившего короля, крупнейшие из которых относились к 1621 и 1634 гг.

Оборонительный характер упомянутых Фредро победоносных кампаний ясно указывает на то, что «покой» для всех граждан Речи Посполитой обеспечивается прежде всего способностью монарха защитить целостность своего государства — как от внутренних, так и потенциальных внешних угроз. В минуту возрастающей опасности Фредро, таким образом, косвенно напоминал о необходимости избрания такого короля, который смог бы справиться с восстанием.

Присутствовал Анджей Максимилиан и на следующем, элекционном сейме. На нем Фредро прославился прежде всего своими горячими призывами к жертвованиям на оборонительные цели, но на заседании 7 ноября высказался в том числе и в пользу скорейшего избрания монарха, так аргументируя свое мнение: «Хороши пакты¹⁸, хороша защита, но плохо то, что наши души разделены, ибо хотя мы и проголосовали за оборону, кто же будет нас защищать, если нет у нас правителя, хоть мы и обсудим пакты, кому же мы их предложим, а если нам одна только гражданская война с нашими крестьянами приносит вред, что будет далее, когда и вторая между нами разгорится? Так и соседи недоброжелатели, ваши милости, не позаботятся о нас, но только и ждут, как мы отсюда разъедемся, если в согласии — то слава Богу, если же нет, то начнут нас задирать со всех сторон; приступим же примиренными душами к избранию правителя, доверившись его милости ксендзу примасу, что он, как обещает, назначать правителя не будет, пока пакты не будут обговорены, и всё, что наиболее испорчено в Речи Посполитой, будет исправлено, в конце концов, возжелаем скорее плохого самочувствия, но не гибели для всех нас»¹⁹. Якуб Михаловский так резюмирует выступление Фредро: «В том тут вопрос, правителя ли раньше избрать или оборону сначала обсудить. Если правителя не будет, на оборону, принимая всё во внимание, надежда слабая. Когда правитель будет, нет никаких сомнений, что защита будет обеспечена. Убеждал тогда, чтобы прежде всего поставили себе целью избрание правителя»²⁰.

В этом выступлении речь уже идет не столько о военных способностях будущего монарха, необходимых для установления внутреннего мира, сколько о его символическом значении для Речи Посполитой, олицетворении им государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства — вне зависимости от его личных качеств. Формальное верховное командование, придающее легитимность действиям армии, соблюдение договоренностей между наивысшей властью и политическим народом (*pacta conventa*), а главное — роль арбитра, примирение и сглаживание противоречий, нахождение компромиссов

и мудрых решений в политических спорах — вот основные функции короля, отмечаемые Фредро. Такое понимание вполне соответствует духу, выраженному еще в 1573 г. в Генриховых артикулах: «Посему Мы и наши потомки ничего не должны решать своей властью, а должны как можно скорее постараться, чтобы все пришли к одному мнению, принимая во внимание всё, что бы отвечало правам и вольностям посполитым и большей пользе Речи Посполитой и не противоречило бы всем правам, вольностям и свободам, дарованным землям. А если бы Мы не смогли привести их к одному общему мнению, то наше решение должно быть на стороне тех, кто ближе всего склоняется к вольностям, правам и обычаям, согласно праву каждой земли, и благу Речи Посполитой»²¹.

Период бескорольевья воспринимается здесь в определенном смысле как разрыв существующего правового порядка и чрезвычайная ситуация, что неудивительно, принимая во внимание то, что король в политической системе Речи Посполитой являлся отдельным сеймовым сословием, без которого невозможно принятие каких-либо постановлений (выходом из ситуации было утверждение принятых во время бескорольевья решений вновь избранным монархом²²). Отношение к бескорольевью как к неизбежному, но опасному состоянию государства сохранилось у Фредро и в дальнейшем.

Тема необходимости преодоления раздоров и установления согласия в польской политической публицистике не нова: ценность согласия отмечалась многими публицистами, во многих случаях становясь общим местом. «Чтобы мы согласие и общее единство полюбили, а разделов и схизм, будучи в едином Христе связанными и объединенными, не совершали»²³, — писал в 1597 г. Петр Скарга (1536–1612). «Полюбим же согласие, господа поляки, и давнюю искренность, если хотим нашу отчизну сохранить в целости»²⁴, — призывал полвека спустя Шимон Старовольский (1588–1653). Правда, если Скарга из согласия выводит необходимость единства в католической вере и послушания королю, Старовольский — обязанность совместной защиты от внешних врагов, то для Фредро необходимость согласия, хотя в данном случае и близка целям Старовольского, в будущем станет, например, одним из аргументов в пользу *liberum veto*. Принимая во внимание, что разногласия среди многочисленных послов сейма при обсуждении важнейших государственных вопросов являются естественными и неизбежными, можно утверждать, что каждый из публицистов мог использовать недостижимое согласие как предлог реализации своей программы действий, т.е. каждый из политических писателей предлагал свою дорожку, которая позволила бы приблизиться к идеалу.

Ввиду постоянных несогласий роль короля как медиатора, а при этом символа единства и согласия, необычайно возрастает. Король практически всегда мог рассчитывать на своих сторонников среди послов и опираться на них при принятии решений. Такое положение вещей воспринималось Фредро как неизбежное. Средство же, которое предотвратило бы излишнюю концентрацию власти в руках короля и перерождение Речи Посполитой в абсолютную монархию,

наш автор укажет в своих трудах десятилетие спустя, когда выступит в защиту *liberum veto*.

Новый этап политической карьеры Анджея Максимилиана начался в 1652 г. В этом году Фредро был избран маршалом сейма²⁵. Наибольший интерес с точки зрения понимания отношения Фредро к королевской власти представляет приветствие короля маршалом в начале сейма, 29 января²⁶.

Свое приветствие Фредро начинает с не теряющей своей актуальности военной темы: «Непобедимый, милостью Божией Пресветлейший Король! <...> Дала своим правителям гордая Испания титул Католических Королей, приписала славная Франция имя Христианнейших, присвоила, хотя и под неверным предлогом, Англия прозвище Защитников Веры. А прежде всего, при немалом величии, дает Римское государство по сегодняшний день своим императорам имя вечного Августа, одна только Польша, не будучи с давних времен бедна прекрасными титулами, а справедливее всего после страшной Хотинской войны <...> в силах своих оставшись несломленной <...>, правителям своим обеспечив имя Непобедимых Королей Поляков, <...> придержала его имени Великого Вашего Королевского Величества». Далее Фредро приводит примеры польских побед, перечисляя военные успехи Болеслава Кривоустого и Владислава Ягелло, битву под Бычиной и пленение эрцгерцога Максимилиана, сражение под Кирхольмом, пленение Василия Шуйского. Использует он здесь и фрагменты своей речи на конвокационном сейме, упоминая битву под Хотин-ном и осаду лагеря Шеина.

То, что военная функция монарха находится в речи на первом плане, неудивительно. Частично это обусловлено текущим моментом — недавней (чуть более полугода) победой под Берестечком, тем более долгожданной после череды поражений. Присмотримся, однако, к ряду титулов европейских монархов, перечисленных Фредро: все они имеют ярко выраженный религиозный оттенок. Фредро же настаивает на титуле «непобедимый», который далеко не так очевидно представляет польского короля как защитника католической религии. Маршал, кажется, не уделяет должного внимания тому, что недавние противники Речи Посполитой являлись в польском представлении язычниками, еретиками и схизматиками, что теоретически позволяло польскому монарху претендовать на роль настоящего «Защитника Веры». Между тем отсутствие такого мотива может указывать на то, что, возможно, военная доблесть и умение обеспечить обороноспособность страны в глазах Фредро являются не менее существенным достоинством монарха, чем защита католической религии. Здесь, как и впоследствии, сказывалась в том числе веротерпимость маршала, вытекающая не столько из личных убеждений (несомненно, Фредро был ревностным католиком), сколько из практического желания сохранения внутреннего мира в Речи Посполитой.

От похвал военным качествам Яна Казимира Фредро переходит к общему описанию положения монарха в свободной Речи Посполитой, не забывая на-

помнить и о том, кому король обязан своим избранием: «Благосклонная веками назначила Судьба, Народ же голосами при избрании возложил на голову Вашего Королевского Величества эту Корону. Когда говорю “Судьба”, тем самым, Ваше Королевское Величество, говорю о великой доблести, которая перед Богом заслужила такое назначение; когда избирателей упоминаю, тем самым хочу сказать, что Ваше Королевское Величество правит Свободным Народом». Интересно, что одним из важнейших преимуществ положения короля польского и великого князя литовского является его безопасность по сравнению с иностранными монархами: «О насколько же правление Королей наших счастливее правления свободных от Верховенства Закона Монархов, их свобода — скорее неволя, <...> сомнительна их безопасность. Здесь же послушность родным законам ведет к Свободе и ничем не замутненному правлению. <...> Невиданны здесь ни ядом зараженные кубки, ни предательские кинжалы (чем похвастаться могут только лишь поляки)». Коротко говоря, «что же в таком случае является причиной Вашей свободы? только свобода тех народов, которыми правите, свободны мы — будет пребывать безопасность при этом величии свободного правления».

Трудно представить себе публициста более далекого от взглядов Фредро, чем Петр Скарга, однако и он с одобрением (правда, в вольной форме) цитировал подобную мысль Цицерона: «Избавленные от врагов, пользуемся мы свободой, и будем же своих прирожденных правителей, и справедливых законов, и должностных лиц рабами. Должностные лица и короли — это слуги законов, а судьи — их толкователи, а мы все будем же рабами законов наших, чтобы быть свободными»²⁷. Такое совпадение вновь наталкивает на идею о наличии в польской политической мысли общих теоретических предпосылок, творчески развиваемых публицистами разных ориентаций. Общим местом являются и слова о безопасности польского монарха, часто повторяемые политическими писателями. С одной стороны, нельзя не признать их правоту: действительно, ни один правитель Речи Посполитой не погиб от рук своих подданных — как до оглашения Фредро данной речи, так и после. С другой стороны, вряд ли Ян Казимир всерьез воспринял уверения в своей безопасности, помня о единственном в своем роде покушении на его отца, Сигизмунда III, избежавшего смерти в значительной степени благодаря королевичу Владиславу²⁸.

Итак, благодаря законопослушности польских королей им удастся избежать цареубийства. В этих словах, однако, слышится не только восхищение устройством Речи Посполитой, но и предостережение Яну Казимиру, уже успевшему некоторыми своими действиями (например попыткой обойти принцип пожизненности должностей или торговли ими²⁹) вызвать неодобрение части шляхты. Трудно, однако, увидеть здесь и угрозу, нехарактерную для Фредро, скорее — благожелательное напоминание, о котором свидетельствует и сравнение Речи Посполитой с матерью, отбирающей опасную игрушку у ребенка: «Подобным образом поступила эта Речь Посполитая, Великая Мать, с королями, как

с сыновьями своими, когда им орудие абсолютной власти <...> вынудив из руки, более мягкое и разделенное управление, власть сладкой щедрости и величие подала взамен, чтобы народу, поверенному им Богом, увлекшись какой-либо ложной страстью, причинить вреда не могли, и таким образом, из-за раздражения народов, не уготовили бы себе какой опасности». Кроме идеи ограничения королевской власти законом здесь упоминаются и такие функции монарха, как распределение должностей («власть сладкой щедрости»), к которой Фредро еще вернется на этом сейме, а также олицетворения величия Речи Посполитой (что перекликается с уже упомянутыми словами на элекционном сейме 1648 г.). Вместе с тем, стоит отметить, что Фредро избегал категоричных формулировок, подобных той, которую озвучил на данном сейме серадзский мечник Стефан Замойский: «...у нас закон правит, не король», за которую маршал был вынужден принести извинения королю от лица посольской избы³⁰.

Со своей стороны, согласно Фредро, подданные должны подчиняться своему королю, что прямо выводится им из элекции, право участия в которой имеет вся шляхта: «Для обеспечения старшинства и послушания подданных кажется правильным, чтобы все принимали участие в избрании короля, так как выберут ли хорошего или плохого — никого другого, только себя имея возможность в этом винить, беспрекословно слушать его будут»³¹. Взамен подданные вправе ожидать от короля соблюдения их интересов: «Поскольку так милостивым поступком Речи Посполитой короли, правители наши, так хорошо обеспечены, что <...> меч верховной власти нам в ущерб <...> использовать не можете. Чего же тогда, кроме как чистой любви, от нас ожидаете?»

Любопытно, что Фредро не выделяет источник королевской власти: «...или Небом, или природой, или каким-либо скрытым верховенством закона установлено это взаимное соглашение, что свободными народами Вы свободно правите». Отметим, что происхождение власти, по-видимому, не интересовало Фредро, в отличие от таких его современников, как Лукаш Опалиньский и Арон Александр Олизаровский. Это может свидетельствовать об интересе Фредро прежде всего к практической, а не теоретической стороне государственной деятельности, о политической практике как основном источнике его политических представлений, что вступает в противоречие с восприятием львовского каштеляна в историографии как доктринера и теоретика.

Мимоходом маршал приводит очередной аргумент в пользу распределения власти между королем и сеймом — невозможность решения всех государственных вопросов в одиночку: «Не так у нас происходит, как кто-то где-то непрерывно на правителя всё сваливал, говоря: “Его бдительность охраняет сон всех людей, для досуга всех — его работа”». Этот аргумент также перекликается с Генриховыми артикулами: «Точно известно, что одна королевская особа не может справиться с со всеми делами <...> этого королевства, в результате чего Корона могла бы попасть в анархию и опасность»³². Такая близость духу Генриховых артикулов была вызвана как общим апологетическим настроением речи Фредро

по отношению к устройству, выраженному в артикулах, так, возможно, и недавно завершённой работой над «Историей поляков в правление Генриха Валуа», в которой автор уделяет значительное внимание документу 1573 г.

Еще одна важная функция монарха, согласно Фредро, — служить примером и образцом для своих подданных: «Совершаете Вы уже это, Ваше Королевское Величество, притягивая к себе сердца этих свободных народов, когда чутко, как милый отец о своих детках, заботясь <...>, почти свое величие правителя принижая, несли в военных рядах свою королевскую голову; <...> таким, Ваше Королевское Величество, правите народом, который подобен полированному мрамору или лежащим напротив зеркалам, отображающим цвета — так и он изображает правителей своих здоровые порывы усердия». Важным кажется то, что король в таком представлении действительно несколько низводится с позиции монарха до роли образцового «первого воина». Впрочем, впечатление это спешно компенсируется: «Ваше Королевское Величество имеет в распоряжении нас, сынов этой Отчизны, ко всему готовых, но как доброму по природе коню мудрый всадник на ходу прибавляет духа, понукая его поводьями, рукой, голосом, так Ваше Королевское Величество, будучи нашим главой, и рачительно заботясь о нас при величии Господа, с той же рачительностью содействуете спасению Отчизны или советом, или мановением руки».

Несколько иное звучание приобретает данная функция в характеристиках польских королей, приводимых Фредро: так, сравнивая Сигизмунда I («король, великий в мире и на войне») и Сигизмунда II («стремился государь, по большей части, к собственной роскоши»), Фредро отмечает, что их качества передавались их подданным. Здесь же он цитирует (не называя источник) «Политику» Юста Липсия: «...как при появлении или уходе высокого солнца на этом горизонте делается темно или светло, таковы наилучшие и наихудшие деяния государя для его подданных... Ведет ли государь к добродетели? Мы следуем за ним. К греху? Мы оступаемся. Исполняет ли он свои обязанности хорошо и успешно? Процветаем. Плохо? Слабеем и гибнем вместе с ним». Таким образом, монарх не просто должен быть образцом для подражания, но уже им является по факту занятия престола. Согласно этой логике, его личные качества непосредственным образом влияют как на состояние подданных, так, в конечном итоге, и на состояние государства. Такое понимание, однако, не так уж далеко от отождествления монарха и государства. И хотя Фредро, безусловно, совсем не близки подобные выводы, он не боится согласиться с постулатом регалиста Липсия, что опять же свидетельствует против представления о Фредро как о догматике. Отметим, что если прежде в своей речи маршал посвятил много внимания тем ограничениям, которые Речь Посполитая накладывает на своих королей, то данный пассаж был направлен на утверждение одновременно и их могущества, и их ответственности.

В завершение речи Фредро просит у короля разрешения поцеловать его руку: «...когда наши правители призывают нас к целованию своей руки, как бы давая

знать о возобновлении некоего соглашения или, скорее, примирения правителя с подданными, что если бы в Речи Посполитой между верховной властью и верховной свободой как между двумя противоположностями, легко ужасные в сердцах могли бы разгореться пожары, антипатии, как будто поданием Вашей руки этот пакт обновлялся, оставляя в святом для спасения Отчизны единстве». Таким образом, для Фредро верховная (королевская) власть и верховная свобода (выражением которой является участие шляхты в управлении государством), т.е. «монархический» и «народный» элементы устройства Речи Посполитой, будучи друг другу противопоставленными и находящимися в естественном противоборстве, вместе с тем являются одинаково неотъемлемыми и уравнивающими устройство польско-литовского государства, что вполне отвечало распространенным представлениям о Речи Посполитой как «смешанной монархии». Для сохранения этого равновесия необходимы, однако, добрая воля и взаимное доверие.

Одной из обозначенных в своей приветственной речи функций монарха — а именно распределению должностей — Фредро посвятил свою речь от 31 января³³. Отметив в начале, что без перспективы вознаграждения подданство становится невыносимым («...страшно бы было, если бы иногда милостиво не исходили погодные лучи щедрости, а только угрозы, страх, громы и молнии на милых подданных с этого спадали престола»), указав на то, что раздача вакансий усиливает лояльность монарху («из чего королевского престола крепчайшие возводились бы опоры, то есть из любви граждан»), маршал подчеркивает, что, в отличие от абсолютных монархий, в которых основную роль играет протекция, Речь Посполитая дает возможность своим королям выбрать для награждения наиболее достойных благодаря сеймам.

Наиболее интересным, однако, представляется то, что Фредро в раздаче должностей видит не только поощрительную роль монарха, награждающего уже заслуженных граждан, но и стимулирующую, когда король жалует должности еще не отличившимся подданным: по его мнению, такие пожалования «ленивых из глубокого безделья подвигают к услугам Речи Посполитой». Здесь король, как и в предыдущей речи, выступает как вдохновитель и, в определенной степени, «воспитатель» для своих подданных, что может проявляться как в демонстрации примеров гражданских добродетелей или мужества на поле битвы, так и в их поощрении и стимулировании. Таким образом «распределительная» функция короля гармонично смыкается с военной, создавая целостный портрет идеального монарха. Важность распределения королем должностей особенно акцентируется Фредро в его напоминании о еще не розданных вакансиях риторическим восклицанием³⁴: «А что же могло достаться от милостивого неба этому престолу, на котором Ваше Королевское Величество заседаете, прекраснейшего, чем, обладая властью на земле как викарий Господа, так многих сынов Отчизны по щедрости своей <...> насытить можешь хлебом?»

Какой же образ идеального монарха вырисовывается из первых публичных выступлений Фредро? Важным представляется здесь прежде всего то, что для

Фредро король является воплощением и гарантом государственного порядка, общественного согласия и гражданского единства (отсюда — негативное отношение к периодам бескоролья, характерное для нашего автора на всех этапах его публицистической деятельности, и призывы к скорейшему избранию монарха). Вместе с тем две важнейшие функции, которым наш оратор уделяет наибольшее внимание, — военная и распределительная. При этом военная функция является двоякой: во-первых, это функция полководца, укорененная в традиции (упоминания о победах Болеслава Кривоустого, Владислава Ягелло и т.д.), но также весьма актуальная в существующих обстоятельствах (победы Владислава IV под Хотинем и Смоленском, а в особенности — Яна Казимира под Берестечком). Во-вторых, это функция воина, подающего своим согражданам пример мужества и военного искусства. Реальным кажется предположение, что эта «подфункция» имеет свои истоки не столько в традиции или актуальных событиях, сколько в политической теории Речи Посполитой, в которой король выступает своего рода «первым гражданином», вдохновляющим своих не столько подданных, сколько сограждан. Столь же двоякой представляется и функция распределения должностей. С одной стороны, возможность получения должности должна служить стимулом для граждан Речи Посполитой, т.е. король выступает своеобразным источником гражданских добродетелей. С другой стороны, распределение должностей является традиционной королевской привилегией (что также подчеркивается маршалом).

Описывая положение польского монарха (роль медиатора, безопасность, необходимость вольной элекции, гармонию между монархом и его подданными) Фредро, что неудивительно для автора официальных приветственных речей, опирается на уже сформированный как нормативными документами (Генриховыми артикулами), так и его предшественниками-публицистами (Скарга, Старовольский и др.) политический дискурс. При этом он объединяет гражданские и монархические, традиционные и актуальные, теоретические и практические элементы. Вернувшись к вопросам, поставленным в начале, можно отметить, что на речи Фредро влияли и текущие события, которым он уделяет наибольшее внимание, и традиция, выражающаяся в обращении к историческим примерам и в скрытых цитатах, прежде всего античных авторов, и политическая теория Речи Посполитой. Что же касается соотношения между чертами конкретных королей и идеального монарха, можно утверждать, что положительные качества Владислава IV и Яна Казимира служат в речах Фредро иллюстрацией представлений об идеальном короле. Кажется, что речи, вызванные конкретными историческими событиями, вышли за их пределы и выражали взгляды Анджея Максимилиана и в более поздние периоды его деятельности, о чем свидетельствует их издание в составе «Сада единорогов» почти через два десятка лет после их произнесения.

¹ Биография по: *Czapliński W.* Andrzej Maksymilian Fredro // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 7. Kraków; Wrocław, 1948–1958. S. 114–116.

- ² *Grabski A.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. S. 49.
- ³ *Glinka F.* Zwierzyniec Iednorozcow. Lwów: Drukarnia Collegium Societatis IESV, 1670. S. 147–181.
- ⁴ *Ostrowski-Daneykowicz J.* Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. T. I. Lublin: Drukarnia J. K. M. Collegium Societatis JESU, 1745. S. 10–20.
- ⁵ *Diariusz sejmu elekcyjnego 1648 roku* / Pod red. J. S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013.
- ⁶ *Michałowski J.* Księga Pamiętnicza. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu, 1864.
- ⁷ *Mecherzyński K.* Historia wymowy w Polsce. T. III. Kraków: Nakładem Józefa Czecha, 1860. S. 194.
- ⁸ *Skrzydylka W.* 1) Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 329–342; 2) Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy) // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 426–432.
- ⁹ *Czapliński W.* Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 73, 83.
- ¹⁰ *Nadolski B.* Wybór mów staropolskich. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. S. XCVI.
- ¹¹ *Starnawski J., Zawadzki R.* Witanie Króla J. Mci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycyji i zwycięstwie beresteckim // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. T. 41, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyśle, 2005.
- ¹² *Plachcińska K.* 1) Jak obiecywać, by nic nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku // Acta Universitatis Lodzensis, Folia Litteraria Polonica. 2014. N 3(25). S. 153–164; 2) Retoryka lekceważenia — odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku // Retoryka w Polsce: Wiek XVII. Część I. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. S. 27–38.
- ¹³ Oznaymienie Marzałka Poselskiego obranego, y Condolentia Imieniem Poselskiej Izby do Panow Senatorow, na Seymie Conuocationis Die 16. Iulii. A. D. 1648. Po Śmierci Krola Władysława Czwartego // Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. S. 147–150; Mowa I. W. IMP. Andrzeia Maximiliana Fredra, potym Kastelana Lwowskiego, na ostatek Woiewody Podolskiego, oznaymując obranie Marszałka Poselskiego Senatowi na Seymie Convocationis po śmierci Krola Imści Władysława Czwartego. 1648 // Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. S. 10.
- ¹⁴ *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648. T. II. Część I. Warszawa: Nakładem redakcji Gazety Polskiej, 1900. S. 164–165, 192.
- ¹⁵ О восприятии Владислава IV современниками см., напр.: *Czapliński W.* Władysław IV i jego czasy. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976. S. 381–383.
- ¹⁶ Имеется в виду сравнение с битвой в Кавдинском ущелье 321 г. до н.э., произошедшей в ходе Второй Самнитской войны, в результате которой римляне потерпели поражение, попав в ловушку самнитов в узком горном проходе. Победа самнитов, достигнутая хитростью, противопоставляется здесь открытому сражению, а именно осаде Владиславом IV лагеря Шеина в ходе Смоленской войны в 1633–1634 гг. См.: Ibid. S. 165–166.
- ¹⁷ Речь идет о победоносной для Речи Посполитой битве под Хотином (1621 г.), завершившей Хотинскую войну с Турцией. Хотя Владислав, будучи в то время еще королевичем, формально всего лишь командовал отдельным корпусом, он всё же сыграл значительную роль в координации войск ввиду болезни и последующей смерти великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича, а также недоверия литовской армии к заменившему его подчашему коронному Станиславу Любомирскому. В Чаплинский отмечает: «Владислав <...> не отстранился во время сражения польских войск с превосходящим неприятелем, и часть славы, возможно, слишком большая в сравнении с заслугами, пала и на него» (Ibid. S. 65).
- ¹⁸ Речь идет о так называемой pacta conventa, обязательствах, подписываемых избранным королем при вступлении на престол.
- ¹⁹ *Diariusz sejmu elekcyjnego 1648 roku* / Pod red. J. S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013. S. 143.
- ²⁰ *Michałowski J.* Księga Pamiętnicz. S. 302.

- ²¹ Godek S., Wilczek-Karczevska M. Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Warszawa: PWN, 2006. S. 94.
- ²² См., напр.: Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa: PWN, 1998. S. 215–217; Markiewicz M. Historia Polski. 1492–1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 34–35.
- ²³ Skarga P. Kazania sejmowe. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010. S. 51.
- ²⁴ Starowolski S. Reformacja obyczajów polskich. Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1859. S. 23.
- ²⁵ См.: Czapliński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 67–130; Ochmann-Staniszevska S., Staniszevski Z. Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. T. I. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 92–119; Markiewicz M. Historia Polski. 1492–1795. S. 513–514.
- ²⁶ Przez tegosz Witanie Krola I. Mci Jana Kazimierza Imieniem Koła Poselskiego. Po Expedytyey y Zwyciestwie Beresteckim // Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. S. 152–166; Tenże wita No. Krola Imści Jana Kazimierza Imieniem Izby Poselskiej po expedycyi y Zwyciestwie Beresteckim na Seymie potym zerwanym // Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. S. 12–16; Skrzydylka W. Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 334–342; Starnawski J., Zawadzki R. Witanie Króla J. Mci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycyjej i zwyciestwie beresteckim // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. T. 41, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyśle, 2005.
- ²⁷ Skarga P. Kazania sejmowe. S. 124.
- ²⁸ Ochmann-Staniszevska S. Dynastia Wazów w Polsce. Warszawa: PWN, 2006. S. 44–45.
- ²⁹ См., напр.: Markiewicz M. Historia Polski. 1492–1795. S. 508.
- ³⁰ Czapliński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955. S. 110–113.
- ³¹ Здесь Фредро цитирует свою находящуюся в печати «Историю поляков в правление Генриха Валуа»: Fredro A. M. Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652. S. 41. Интересно, что Фредро не считал нужным говорить здесь от своего имени, приводя еще неизвестную слушателям цитату под авторством некоего «некто». Возможно, подобная ссылка призвана была повысить авторитетность суждения. О сроках выхода труда см.: Skrzydylka W. Jędrzej Maksymilian Fredro // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 334, прим. 2.
- ³² Godek S., Wilczek-Karczevska M. Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. S. 94–95.
- ³³ Przez tegosz: Vpomnienie się Vacantyi v Krola Iego Mci. Na tymże Seymie. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. S. 166–171; Tenże upominając się o rozdanie Wakansow na tymże Seymie // Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. S. 16–17.
- ³⁴ Przez tegosz. Upomnienie się powtorne Wakansow ieszcze nie oddanych. Imieniem Poselskiej Izby // Glinka F. Zwierzyniec Iednorozcow. S. 171–172; Przez tegosz upomnienie się powtorne Wakansow ieszcze nie oddanych Imieniem Poselskiej Izby // Ostrowski-Daneykowicz J. Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie. S. 18.

Список литературы / References

- BARDACH J., LEŚNODORSKI B., PIETRZAK M. *Historia ustroju i prawa polskiego*. [History of Polish Governance and Law. In Polish]. Warszawa: PWN, 1998.
- CZAPLIŃSKI W. *Andrzej Maksymilian Fredro*. [Andrzej Maksymilian Fredro. In Polish] // Polski Słownik Biograficzny. T. 7. Kraków; Wrocław, 1948–1958. S. 114–116.
- CZAPLIŃSKI W. *Dwa sejmy w roku 1652*. [Two Diets of 1652. In Polish]. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1955.

CZAPLIŃSKI W. *Władysław IV i jego czasy*. [Władysław IV and His Times. In Polish]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1976.

Diariusz sejmiku elekcyjnego 1648 roku. [The Diary of the Electoral Diet of 1648. In Polish] / Pod red. J. S. Dąbrowskiego. Kraków: Historica Iagellonica, 2013.

FREDRO A. M. *Gestorum Populi Poloni sub Henrico Valesio*. [History of the Polish People under Henry de Valois. In Polish]. Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri, 1652.

GLINKA F. *Zwierzyniec Jednorozców*. [The Menagerie of Unicorns. In Polish]. Lwów: Drukarnia Collegium Societatis IESV, 1670. S. 147–181.

GODEK S., WILCZEK-KARCZEWSKA M. *Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795*. [History of Governance and Law in Poland before 1772/1795. In Polish]. Warszawa: PWN, 2006.

GRABSKI A. *Zarys historii historiografii polskiej*. [An Outline of the History of Polish Historiography. In Polish]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000.

MARKIEWICZ M. *Historia Polski. 1492–1795*. [History of Poland. 1492–1795. In Polish]. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009.

MECHERZYŃSKI K. *Historia wymowy w Polsce*. [History of Eloquence in Poland. In Polish]. T. III. Kraków: Nakładem Józefa Czecha, 1860.

MICHAŁOWSKI J. *Księga Pamiętnicza*. [Diary. In Polish]. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu, 1864.

NADOLSKI B. *Wybór mów staropolskich*. [The Anthology of Old Polish Speeches. In Polish]. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961.

OCHMANN-STANISZEWSKA S. *Dynastia Wazów w Polsce*. [House of Vasa in Poland. In Polish]. Warszawa: PWN, 2006.

OCHMANN-STANISZEWSKA S., STANISZEWSKI Z. *Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy*. [The Diet of the Commonwealth under the Rule of John Casimir Vasa. In Polish]. T. I. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000.

OSTROWSKI-DANEYKOWICZ J. *Swada Polska y Łacinska albo Miscellanea Oratorskie*. [Polish and Latin Eloquence, or Forensic Miscellanea. In Polish]. T. I. Lublin: Drukarnia J. K. M. Collegium Societatis JESU, 1745. S. 10–20.

PLACHCIŃSKA K. *Jak obiecywać, by nic nie obiecać — odpowiedzi Andrzeja Maksymiliana Fredry udzielone delegatom wojsk na sejmie w 1652 roku*. [How to Make the Empty Promises — the Replies of Andrzej Maksymilian Fredro to Soldiers Delegates in the Sejm in 1652. In Polish] // Acta Universitatis Lodzensis, Folia Litteraria Polonica. 2014. N 3 (25). S. 153–164.

PLACHCIŃSKA K. *Retoryka lekceważenia — odpowiedź Andrzeja Maksymiliana Fredry posłom kozackim na sejmie w 1652 roku*. [The Rhetoric of Contempt — The Reply of Andrzej Maksymilian Fredro to Cossack Delegates at the Sejm in 1652. In Polish] // Retoryka w Polsce: Wiek XVII. Część I. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. S. 27–38.

SKARGA P. *Kazania sejmowe*. [Sejm Sermons. In Polish]. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010.

SKRZYDYŁKA W. *Jędrzej Maksymilian Fredro*. [Jędrzej Maksymilian Fredro. In Polish] // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 5. Lwów, 1873. S. 329–342.

SKRZYDYŁKA W. *Jędrzej Maksymilian Fredro (Ciąg dalszy)*. [Jędrzej Maksymilian Fredro (Continuation). In Polish] // Przegląd Lwowski. Rok 3, t. 5, zeszyt 6. Lwów, 1873. S. 426–432.

STARNAWSKI J., ZAWADZKI R. *Witanie Króla J. Mci Jana Kazimierza imieniem Koła Poselskiego po ekspedycji i zwycięstwie beresteckim*. [The Greeting of His Majesty King John Casimir in the Name of Chamber of Deputies after the Campaign and Victory of Berestechko. In Polish] // Rocznik Przemyski. Literatura i Język. T. 41, zeszyt 3. Przemyśl: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Przemyślu, 2005.

STAROWOLSKI S. *Reformacja obyczajów polskich*. [Reform of Polish Customs. In Polish]. Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1859.

SZAJNOCHA K. *Dwa lata dziejów naszych. 1646. 1648*. [Two Years of Our History. 1646. 1648. In Polish]. T. II. Część I. Warszawa: Nakładem redakcji Gazety Polskiej, 1900.

Я. А. Мержва. «Идеальный монарх» в сеймовых речах Анджея Максимилиана Фредро

Статья посвящена сеймовым речам одного из наиболее выдающихся политических писателей и политиков Речи Посполитой Обоих Народов второй половины XVII в. Анджея Максимилиана Фредро (ок. 1620–1679). Фредро интересовался различными вопросами политической, социальной и экономи-

ческой жизни своего времени, однако особенно его занимало государственное устройство Речи Посполитой, а также место, занимаемое в этом устройстве королем. Он посвятил значительную часть своего литературного наследия функциям, качествам, способу избрания идеального монарха. Эти темы также были им затронуты в сеймовых речах, произнесенных в самом начале его политической карьеры, в 1648 и 1652 гг., которые до настоящего времени тщательно не исследованы. Автор статьи пытается выделить те моменты, которые были наиболее важны для взглядов Фредро на королевскую власть, определить их источники и причины. Автор подчеркивает, что множество факторов (таких как текущие события, политическая теория и практика Речи Посполитой, исторические примеры, традиционное уважение к королевской власти) оказали влияние на видение писателем короля одновременно как монарха и первого гражданина, как воина и политика, имеющего привилегии и ограниченного рамками закона, награждающего и подающего пример своим подданным / согражданам.

Ключевые слова: Анджей Максимилиан Фредро, Польша, Речь Посполитая, XVII в., идеальный монарх, сейм, король, королевская власть, Владислав IV, Ян Казимир.

Y. A. Merzhva. “An Ideal Monarch” in the Diet Speeches of Andrzej Maksymilian Fredro

The article deals with the diet speeches of one of the most outstanding political writers and statesmen of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the 17th century, Andrzej Maksymilian Fredro (c. 1620 – 1679). Being interested in different questions connected with contemporary political, social and economic life, Fredro was especially concerned with the governance of the Commonwealth and the place of the king in it. He dedicated the significant part of his literary heritage to functions, qualities, way of election of an ideal monarch. These issues were also raised in his diet speeches which were given at the very beginning of his political career, in 1648 and 1652, and were not thoroughly examined before. The author of the article tries to distinguish the points which were the most important for Fredro's view on the royal power, identify their sources and reasons. The author emphasises that many factors (such as actual events, political theory and practice of the Commonwealth, historical examples, traditional respect for royal power) influenced the writer's vision of a king as a monarch and a first citizen, a warrior and a statesman, privileged and bounded by the law, rewarding and inspiring his subjects / fellow citizens at the same time.

Key words: Andrzej Maksymilian Fredro, Poland, Polish-Lithuanian Commonwealth, 17th century, ideal monarch, diet, sejm, king, royal power, Władysław IV, John Casimir.

Мержва, Ян Александрович — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Merzhva, Yan Alexandrovich — graduate student of Institute of history of St. Petersburg State University.
E-mail: yanmer@gtn.ru